

ПЕРЕПИСКА
РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

ПЕРЕПИСКА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ВАЦУРО В. Э.

ГЕЙ Н. К.

ЕЛИЗАВЕТИНА Г. Г.

(редактор тома)

МАКАШИН С. А.

НИКОЛАЕВ Д. П.

ОРЛОВ В. Н.

ТЮНЬКИН К. И.

МОСКВА
•ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА•
1 9 8 4

ПЕРЕПИСКА
А.П.ЧЕХОВА
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ
ПЕРВЫЙ

МОСКВА
•ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА•
1984

Вступительная статья
М. П. ГРОМОВА

Составление и комментарии
М. П. ГРОМОВА, А. М. ДОЛОТОВОЙ, В. Б. КАТАЕВА

Оформление художника
Д. ШИМИЛИСА

П $\frac{4702010100-158}{028(01)-84}$ 27-84

© Вст. статья, состав, комментарии. Издательство «Художественная литература», 1984 г.

А. П. ЧЕХОВ В ПЕРЕПИСКЕ С СОВРЕМЕННОКАМИ

1

«...письма я берегу и завещаю их внукам: пусть... читают и ведают дела давно минувшие...»

А. Н. Плещееву, 14 мая 1889

Никаких завещательных распоряжений по поводу своей переписки Чехов не делал. «Все сложится, когда мы умрем», — сказал он Бунину незадолго до смерти¹. Он умер в 1904 году, и тотчас появились в печати письма, читавшиеся с таким же вниманием и глубоким интересом, с каким в России принималось все, что было подписано именем *Чехов*. В 1904 году были напечатаны страницы, адресованные А. Н. Плещееву, затем увидели свет письма к Н. А. Лейкину, в 1906—1910 годах составлялись целые сборники — «На памятник Чехову», «Письма А. П. Чехова», «Собрание писем А. П. Чехова».

В 1905 году И. Л. Леонтьев-Щеглов обращался в книгоиздательство «Знание» к А. М. Горькому с предложением издать письма Чехова. «По нашему мнению, — отвечал Горький, — его переписка должна быть напечатана вся целиком, только тогда фигура А. П. получит, может быть, достаточно яркое и всестороннее освещение»². Такое издание и в наши дни едва ли осуществимо из-за огромного объема переписки. В архиве Чехова оказалось около 10 000 адресованных ему писем, которые он сохранял в величайшем порядке. По-видимому, он собрал почти все, что было адресовано ему за всю жизнь. Что касается его современников, то лишь немногие из них понимали значение и ценность чеховских писем и берегли их — здесь не хватает не сотен, а по меньшей мере полутора тысяч невосполнимых страниц.

¹ «Бунин о Чехове». — «Южный край», 1914, 2 июля, № 12141.

² *Горький и Чехов*, с. 158.

По складу характера Чехов был человеком собранным и точным, он был несравненно аккуратнее большинства своих адресатов, — этим объясняется многое, но далеко не все. Известно, например, что рукописи свои он не хранил, отправляя беловые автографы прямо в типографию, откуда они уже не возвращались; «литературного архива» в том смысле, в каком говорят об архивах Толстого, Достоевского, Тургенева, у него не было. С письмами же, по-видимому, было связано то сознание высокой ценности мимолетного времени, которым наделены самые чуткие из чеховских персонажей: «Если бы у меня была охота заказать себе кольцо, то я выбрал бы такую надпись: «ничто не проходит». Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый малейший шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни» («Моя жизнь»). Он относился к переписке, как относится к летописанию, не отдавая особого предпочтения ни одной из глав или страниц, ничего не исправляя в этой летописи и не вычеркивая. И если целые главы все же были утрачены, то без его ведома, после его смерти: забрал и, по-видимому, уничтожил свои письма А. С. Суворин, изъял и сожгла свою часть переписки Л. А. Авилова, удивляясь тому порядку, в каком сохранялись ее письма, и не допуская мысли, что в таком же точно хронологическом ряду, отдельными подборками по алфавиту, хранилась вся корреспонденция Чехова.

2

«О, как это хорошо, что никому не известно, когда я начал писать».

М. П. Чеховой, 15 января 1900

До нас почти не дошли письма таганрогских лет (1875—1879 гг.): «Антон часто писал нам из Таганрога, и его письма были полны юмора и утешения. Они погибли в недрах московских квартир...»¹ Вместе с ними было утрачено представление о раннем творчестве Чехова. Лишь некоторые сведения о его работах гимназических времен сохранились в письмах старшего брата. Переписка с ним продолжалась всю жизнь, в ней есть незаменимые страницы. 14 октября 1878 года Александр Павлович сообщил брату свой отзыв о драме «Безотцовщина» и вдовиле «Нашла коса на камень», который был написан «превосход-

¹ *Вокруг Чехова*, с. 45.

ным языком... очень характерным для каждого там выведенного лица».

Ал. П. Чехов не только верно угадывал меру своих способностей и сил («...из меня в отношении творчества ничего дельного не вышло, потому что время все-таки прошло...» — писал он в Таганрог 14 октября 1878 г.), но раньше и правильнее других оценил истинное значение ранних юморесок и пьес Антона Чехова. Если на первых порах Чехову случалось подписываться псевдонимом «Брат моего брата», подчеркивая таким образом литературное старшинство Александра, то в середине 80-х годов роли переменились: «Я — брат того Чехова, который и т. д., словом, твой брат... Индивидуальность моя пропала. Менелай — муж царицы, а я — брат Антона», — писал Александр Павлович 16 января 1887 года.

1880 год — второй год студенческой жизни Чехова — был отмечен событиями, оставившими глубокий след в истории русской культуры. В Москве был открыт памятник Пушкину, Тургенев и Достоевский произнесли речи, обращенные к тем, кто шел на смену их собственному — пушкинскому — литературному поколению. О торжествах Чехов писал в Таганрог, и трудно думать, что этот студент, горячо увлекавшийся театром, много работавший и кое-что уже напечатавший, не был на пушкинском празднике — если не в переполненном зале, где говорил Достоевский, то хотя бы на площади в толпе. Пройдет всего семь лет, и учрежденная при основании памятника Пушкинская премия будет присуждена Чехову; получив ее, он почувствует себя так, будто, кроме гимназии и университета, закончил еще один курс. В те дни он писал: «...брожу из угла в угол, как влюбленный, не работаю и только думаю» (Д. В. Григоровичу, 9 октября 1888 г.).

В 1880 или же в 1881 году Чехов написал письмо, известное лишь по стершемуся карандашному черновику, на котором с огромным трудом удалось разобрать несколько слов: «Посылаю Вам... Мария Николаевна. Не пугайтесь. Половина зачеркнута. Во многих местах... пуждается еще... Уважающий А. Чехов». Черновик хранится вместе с рукописью драмы, которая в новом собрании сочинений Чехова печатается как «Безотцовщина» (на театральной сцене называлась «Платонов», в кино — «Неоконченная пьеса для механического пианино»). «Драму эту, — писал М. П. Чехов, — брат Антон... отнес на прочтение М. Н. Ермоловой и очень хотел, чтобы она поставила ее в свой бенефис»¹.

Имя М. Н. Ермоловой уже и тогда стояло в ряду знаменитых имен русского театра. Не просто, совсем не просто было

¹ Вокруг Чехова, с. 62.

попасть к ней студенту-медику, в литературе и в театре решительно никому еще не известному новичку. Правда, в 1890 году Чехов был у нее в числе других писателей и драматургов и, «пообедав у звезды, два дня потом чувствовал вокруг головы своей сияние» (А. Н. Плещееву, 15 февраля 1890 г.). Но тогда у него уже было имя, он много печатался, готовился к путешествию на Сахалин...

Получила ли великая актриса письмо безвестного студента-второкурсника, отвечала ли ему, запомнила ли его? Обо всем этом можно лишь гадать. Но этот чудом сохранившийся листок начинается всю огромную переписку Чехова с выдающимися деятелями русской культуры, хотя к М. Н. Ермоловой он с письмами больше никогда не обращался.

3

«Литература для тебя труда
не составляла, а ведь это труд!»

Ал. П. Чехову, 6 апреля 1886

В «Осколках» началась профессиональная литературная работа Чехова, которую нужно было совмещать с университетскими занятиями, с дежурством в клиниках, с анатомичкой, с неустроенной домашней жизнью: «Для пишущего человека гнусней этой обстановки и придумать трудно что-либо другое... Браню себя, что не удрал на дачу, где, наверное, и выспался бы, и рассказ бы Вам написал...» (Н. А. Лейкину, между 21 и 24 августа 1883 г.). В 1884—1885 годах в «Осколках» и «Петербургской газете» появилось более двухсот рассказов, юморесок и фельетонов Чехова; в одном из писем к Суворину он заметил позднее, что пишет сравнительно немного, не более двух-трех небольших рассказов в неделю, то есть те же сто с лишним в год. И если обычные в работах о Чехове слова о «школе Лейкина» имеют определенный смысл, то заключается он, конечно же, в том, что издатель «Осколков» сумел приучить и приохотил своего молодого сотрудника к неустанным труду писательства. Этот деловитый и практичный литератор, ставивший работоспособность и усидчивость выше любого таланта, и в Чехове ценил не только — и даже не столько — талант, сколько ту характерно профессиональную черту, которую он называл плодовитостью: «...зная, что у меня есть такой плодовитый сотрудник, как Антон Чехов, я не особенно любезен был с другими... беллетристами и рассказ-

чиками, браковал их статьи, отваживал их...» (1 марта 1884 г.). Он не любил и не понимал «серьезное» творчество Чехова («Стень», например, не смог дочитать до конца) и так и ушел из жизни с убеждением, что Чехов, расставшись с юмористикой, загубил себя.

Некоторые советы и замечания Лейкина воспринимались Чеховым, вероятно, с юмором: «Вот, например, что у Вас много отнимает времени: зачем Вы перебеливаете Ваши рассказы? Кто это пынче делает? Пишите прямо набело» (17/18 октября 1885 г.). Чехов как раз в это время создал несколько классических по стилю рассказов и советовал старшему брату не печатать своих вещей без тщательной обработки, без двух-трех переделок и черновиков.

Писать в «Осколках» нужно было срочно и коротко. Можно было заимствовать: «...украдите где-нибудь. На ловкое литературное воровство я смотрю сквозь пальцы», — наставлял Лейкин Чехова 27 мая 1886 года, когда «осколочный» период чеховского творчества уже близился к концу. И еще несколько раз о том же в ранних письмах: «Все мы люди и все человеки, во грехах рождены, стало быть, и ворует» (17/18 октября 1885 г.); «Вода, вода, вода... да и та заимствованная, пережеванная из чужого» (10 августа 1883 г. о плодовитом тогдашнем юмористе Пазухине, который действительно многое перелицовывал и копировал, в частности и у Антоши Чехонте). Мелкий плагиат, построчное заимствование, всякого рода хищения и перелицовки большой литературы в «малой прессе» были вполне обычны, и то, что раннее творчество Чехова вызвало целую волну заимствований, служит верным свидетельством его собственной оригинальности и неподражаемости.

Многие страницы в письмах Лейкина посвящены цензуре, порядки и нравы которой он изучил как никто другой. Он прекрасно, на собственном опыте знал, как мало стоили цензурные законы и правила и как много — личность цензора, его настроение и благорасположенность: «Критерия не может быть никакого. Сегодня это пропускается цензурою, завтра не пропускается, и наоборот. Все зависит от настроения цензора...» (5/6 ноября 1885 г.). Отвечая Лейкину на одно из его писем о цензуре, Чехов писал в октябре 1885 года: «С одной стороны, трудов своих жалко, с другой — как-то душно, жутко... Да, непрочный кусок хлеба дает литература, и умно Вы сделали, что родились раньше меня, когда легче и дышалось, и писалось...»

Чехову случалось подтрунивать над Лейкиным (он, конечно, не без умысла писал о своей непобедимой лени, всякий раз

пугая редактора «Осколков» и вызывая в ответ потоки упреков и правоучений), но в целом его письма — начиная от самых ранних — отмечены той душевной откровенностью и независимостью суждений, которые были столь привлекательны в его характере. Таким, в частности, было письмо от 22 января 1884 года: «Читаю прилежно «Осколки»... Журнал хороший, лучше всех юмористических журналов по крайней мере... Но не кажется ли Вам, что «Осколки» несколько сухи? Сушит их, по моему мнению, многое множество фельетонов...» Так начало проявляться противоречие, к которому Чехов и Лейкин не раз еще возвращались в своей переписке, постепенно выясняя для себя, насколько различны их литературные вкусы и судьбы: не только замечательный юморист, но писатель, склонный к обобщениям, к лирике и поэтической созерцательности — таким был Чехов; Лейкин же — литературный предприниматель, убежденный, что в журналистике доходны только фельетоны на злобу дня: «Если бы я мог, я сделал бы «Осколки» от строчки до строчки фельетоном...» (19 февраля 1884 г.). Лейкин ценил творчество Антоши Чехонте высоко, но в определенных и очень узких пределах: например, не любил описаний природы, плохо понимал (и не принимал) все, что осложняло простую юмористическую фабулу или выходило за жанровые рамки сценки; расхождение во вкусах и взглядах было полным — как сказано в письме Чехова, «ина слава луле, ина слава звездам» (22 января 1884 г.).

Впоследствии Чехов невысоко ценил свое раннее творчество, но дорожил трудным опытом «осколочных» лет. «У меня в прошлом масса ошибок, каких не знал Короленко, а где ошибки, там и опыт. У меня, кроме того, шире поле брани и богаче выбор; кроме романа, стихов и доносов, я все перепробовал. Писал и повести, и рассказы, и водевили, и передовые, и юмористику, и всякую ерунду...» (А. Н. Плещееву, 14 сентября 1889 г.). «Многописание», которое так досаждало ему в молодости, он считал «великой, спасительной вещью», непременным условием профессионального литературного труда. «Талант познается не только по качеству, но и по количеству им содеянного», — сказано в письме к П. А. Сергеенко от 6 марта 1889 года, и о том же спустя десять лет: «Чтобы в беллетристике терпеть возможно меньше неудач или чтобы последние не так резко чувствовались, нужно побольше писать, по 100—200 рассказов в год. В этом секрет» (Ал. П. Чехову, 11 мая 1899 г.). Всем неумелым, неопытным литераторам Чехов советовал, в сущности, одно и то же: писать по 20—30 печатных листов в год, чтобы понять себя, развернуться, возмужать, чтобы на свободе расправить крылья — писать и писать, «пока пальцы не сломаются» (М. В. Киселевой, 29 сентября

1886 г.). Это требование, странным образом сочетавшееся с аксиомой краткости, Чехов с юности применял к себе и потому, быть может, считал его не только обязательным, но и вполне посильным.

4

«...У Вас *настоящий* талант...
выдвигающий Вас далеко из круга
литераторов нового поколения».

Д. В. Григорович — Чехову,
25 марта 1886

В жизни Чехова наступила новая пора. Началась переписка с людьми, олицетворявшими классическую пору русской литературы, недавние времена ее расцвета. Среди них был А. Н. Плещеев, поэт-петрашевец, автор известных стихов «Вперед, без страха и сомненья...», и Д. В. Григорович, обратившийся к Чехову с письмом, которое было прочитано с глубоким волнением и благодарностью: «Как Вы приласкали мою молодость, так пусть бог успокоит Вашу старость, я же не найду ни слов, ни дел, чтобы благодарить Вас» (28 марта 1886 г.). В своем письме Д. В. Григорович говорил о таланте и высоком призвании Чехова, о рассказах, которые ставил не ниже тургеневских «Записок охотника», просил Чехова оставить срочную работу и сосредоточиться на каком-нибудь серьезном замысле: «Голодайте лучше, как мы в свое время голодали...» Писатель того поколения, к которому принадлежали Тургенев, Достоевский, Гончаров, сам Григорович далеко уступал им в силе таланта, популярности. Но он был последним в этой плеяде, уже ушедшей из жизни (если не говорить о Льве Толстом, с которым Чехов познакомился много позднее, а в переписку так и не вступил), и его личное письмо имело в глазах Чехова какую-то особенную, историческую ценность. «...Пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока еще кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни Вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя, — писал он Григоровичу. — Вымрут и забудутся люди, которых Вы изображали, но Вы останетесь целы и невредимы. Такова Ваша сила и таково, значит, и счастье» (12 января 1888 г.).

С первым серьезным успехом пришла и первая критика, сначала в письмах к Чехову, но вскоре и в журналах; начиналась полемика, в ходе которой Чехов уяснял и постепенно формулировал свою эстетическую программу, далеко опережавшую свое время и потому непонятую. Во многих письмах — к А. С. Суворину, А. Н. Плещееву, М. В. Киселевой — Чехов стремился объяснить

пдею синтеза методов, научного и художественного, и, естественно, не встречал понимания у этих очень далеких от науки и точного знания людей. Д. В. Григоровичу он писал о единстве науки и поэзии, о важности ученых знаний и художественных предвидений, о Шекспире и Гете, в котором поэт прекрасно уживался с естественником. Суждения Чехова о субъективном и объективном творчестве, о позиции художника и ее воплощении в слове, о «новых формах» и даже, казалось бы, о самом простом и самом «чеховском» в нашей литературе — о краткости — не вполне еще поняты и объяснены. Со школьных лет запоминается, что краткость — сестра таланта, и мало кто помнит контекст письма к Ал. П. Чехову 11 апреля 1889 года: «Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок... Сюжет должен быть нов, а фабула может отсутствовать», в котором читался этот афоризм. Между тем о «бесфабульной» прозе и драматургии заговорили только в XX веке, в послечеховские времена; современники же требовали, чтобы он писал традиционный роман, иначе, как сказал он впоследствии И. А. Бунину, и писателем пельзя было называться...

До него никому еще не удавалось пробиться в литературу из «малой прессы», его прозвали Потемкиным, считали выскочкой, и, конечно, в те годы он и сам еще не подозревал, что пути великих писателей неповторимы.

- 5

«...У него выходило хорошо все,— даже сношения с Сувориным, с которым он дружил сначала и разошелся потом. И все ясно до прозрачности: почему дружил и почему разошелся».

В. Г. Короленко. Дневник

Письма к Суворину — а их очень много — связаны глубокой тематической последовательностью и своеобразной внутренней логикой. На протяжении целого десятилетия Чехов стремился влиять на Суворина в духе того сурового и сдержанного протеста, который определял его собственную жизненную позицию. В письмах к Суворину Чехов откровенен и настойчив в защите своего мировоззрения и своей правды. Здесь мало сказать, что в «Новом времени» он был на особом положении, которое обеспечивалось его именем и талантом; нет — он был гораздо требо-

вательнее, он надеялся изменить характер газеты, а не просто характер издателя.

«Нужна партия для противовеса, — писал он старшему брату, работавшему репортером у Суворина, — партия молодая, свежая и независимая... Я думаю, что, будь в редакции два-три свежих человека, умеющих громко называть чепуху чепухой, г. Эльпе не дерзнул бы уничтожать Дарвина, а Буренин долбить Надсона. Я при всяком свидании говорю с Сувориным откровенно и думаю, что эта откровенность не бесполезна. «Мне не нравится!» — этого уж достаточно, чтобы заявить о своей самостоятельности, а стало быть, и полезности» (7 или 8 сентября 1887 г.).

Со временем Чехов понял, что никакого «противовеса» в редакции не допустят, что «Новое время» делается не Бурениным или Розановым — весьма влиятельными в газете, но все же второстепенными людьми, — а самим Сувориным: «Новое время» поднять нельзя, оно умрет вместе с А. С. Сувориным. Думать о поднятии нововременской репутации значит не иметь понятия о русском обществе» (М. П. Чехову, 17 декабря 1901 г.).

Суворин — не только своеобразный и сложный человек, связанный с Чеховым откровенностью и взаимной приязнью. Чехов ценил возможность беседы и письменного общения с умным и образованным современником, каким был Суворин: «У Вас превосходный вкус, и Вашему первому впечатлению я верю, как тому, что на небесах есть солнце» (31 марта 1892 г.).

Но Суворин — это глава фирмы, законодатель нововременской идеологической программы и целого лагеря в русской публицистике и общественной жизни. Пока это было возможно, Чехов отделял Суворина от нововременцев: «Крепко обнимаю Вас и весь Ваш дом, — писал он по возвращении из сахалинской поездки 9 декабря 1890 года, — за исключением Жителя и Буренина... которых давно бы уж пора сослать на Сахалин». Но что собою представляет и какую цену имеет в общественном мнении «Новое время» — это он прекрасно понимал с первых дней работы у Суворина: «Надо полагать, после дебюта в «Новом времени» меня едва ли пустят теперь во что-нибудь толстое... Как Вы думаете? Или я ошибаюсь?» (В. В. Билибину, 28 февраля 1886 г.). Чехов ошибался, его очень скоро пригласили в «Северный вестник» (здесь появилась «Степь»), но приглашение шло из другого лагеря, от А. Н. Плещеева и В. Г. Короленко.

Отношения между Чеховым и Сувориным невозможно уяснить только по чеховским письмам; здесь очень важны другие имена, другие письма — особенно переписка с А. Н. Плещеевым и В. Г. Короленко, о котором Чехов писал 9 апреля 1888 года: «Идти не только рядом, но даже за этим парнем — весело».

С Короленко Чехов поддерживал дружбу и твердый, едва ли приятный Суворину союз: «...около меня нет людей, которым пужна моя искренность и которые имеют право на нее, а с Вами я, не спрашивая Вас, заключил в душе своей союз» (В. Г. Короленко, 9 января 1888 г.).

Перечитывая письма к Суворину, нетрудно заметить, что Чехов часто спорит с программой, очередным номером или определенной статьей «Нового времени». Этот сложный подтекст взаимоотношений Чехова и Суворина заметно пострадал с утратой суворинских писем; чтобы прояснить его, нужно обращаться к газете и к тем материалам, которые часто подразумевались в переписке без всяких подробностей или пояснений.

Фрагментарное цитирование чеховских писем может привести к серьезным ошибкам, исправить которые бывает нелегко. Например, слова из письма к Суворину 6(18) февраля 1898 года «большие писатели и художники должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно обороняться от нее» как будто подтверждают широко распространенное в те времена мнение об аполитичности — или «политическом индифферентизме» — Чехова. Между тем как раз наоборот: это была отповедь «Новому времени», где печатались в это время материалы по делу Дрейфуса, нападки на Золя. Это была отповедь Суворину, письмо которого до нас не дошло: «Пусть Дрейфус виноват, — и Золя все-таки прав, так как дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание. Скажут: а политика? интересы государства? Но большие писатели и художники должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно обороняться от нее. Обвинителей, прокуроров, жандармов и без них много, и во всяком случае роль Павла им больше к лицу, чем Савла». Точно так же замечание о критике в другом письме (23 декабря 1888 г.): «Будь же у нас критика, тогда бы я знал, что я составляю материал — хороший или дурной, все равно, — что для людей, посвятивших себя изучению жизни, я так же нужен, как для астронома звезда» — не заключает в себе оценки собственного значения или места в литературе; «я» — это писатель, который не знает, нужен ли он или нет своему обществу, читателю, стране.

Суворин, который выступал на страницах своей газеты и как театральный рецензент и литературный критик, опубликовал в феврале 1889 года статью об «Иванове» (постановка этой пьесы породила множество кривотолков и самых разноречивых оценок). В статье излагалось — без необходимых в данном случае цитат из первоисточника — письмо об «Иванове», которое Чехов отправил Суворину 30 декабря 1888 года. Это был редчайший в

чеховском эпистолярном наследии опыт автокомментария, странного и серьезного пояснения к замыслу пьесы и характеру главного героя; Чехов много писал о его неподражаемости и новизне. Умело и профессионально опираясь на чеховское письмо, Суворин перетолковал многосложный и тонкий замысел «Иванова» в пресном и пошловатом вкусе «Нового времени»: Чехов «хочет сказать, что надо жить просто, как все, и вносить свои лучшие силы, лучшие намерения в развитие этой простой, обыкновенной жизни».

В этой переписке были и совершенно личные страницы, окрашенные своеобразной лирикой и душевным теплом. В письмах Чехова есть воспоминания о детстве, например, 29 августа 1888 года рассказ о жизни у бабушки в имении графа Платова, о работе в поле от зари до зари, о паровике, похожем на живое существо — «выражение у него хитрое, игривое», — и обо всем, что врезалось в память, как «Отче наш». Суворину адресовано классическое письмо (7 января 1889 г.) о каплях рабской крови (оно воспринималось всегда как автобиографическая исповедь, хотя в действительности имело и другой, быть может, полемический смысл). Здесь обсуждались замыслы и сюжеты будущих рассказов и пьес, а иные из них предполагалось и писать совместно: одну сцену присылал бы Чехов, Суворин в свой черед давал продолжение и возвращал, ожидая очередной чеховской сцены — так они думали писать «Лешего». К «Татьяне Репиной» Чехов приписал свой финал; как выясняется при внимательном чтении, Чехов спорил с суворинской художественной манерой.

И почти в каждом письме, особенно в конце 80-х и до половины 90-х годов, своеобразнейшие перефразировки классической поэзии и прозы, тонкие стилизации, неожиданные цитаты: «В Москве выпал снег, и у меня теперь на душе такое чувство, какое описано Пушкиным — «Снег выпал в ноябре, на третье в ночь... В окно увидела Татьяна...» и т. д.» (7 ноября 1889 г.).

Из-за того, что письма А. С. Суворина не сохранились, история взаимоотношений этих сложных, непохожих друг на друга и все же близких людей предстает в неполном, поневоле одностороннем свете. Эволюция чеховского отношения к Суворину представляется сравнительно ясной: в начале знакомства Суворин казался «замечательным человеком нашего времени» (А. С. Лазареву-Грузинскому, 22 марта 1888 г.), в письмах второй половины 90-х годов преобладают отрицательные, иногда чрезвычайно резкие отзывы. Но зато об эволюции самого Суворина, о его отношении к Чехову приходится судить на основании неполных и не всегда достоверных материалов, почерпнутых из вторых рук.

«...Я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат. Пусть висит!»

А. С. Суворину, 2 января 1894

В начале 1890 года Чехов собирался в путешествие на Сахалин, чтобы написать книгу о русской каторге. «Сенсационная новость,— сообщала газета «Новости дня» в январе 1890 года,— А. П. Чехов предпринимает путешествие по Сибири с целью изучения быта каторжников. Прием совершенно новый у нас... Это первый из русских писателей, который едет в Сибирь и «обратно». А. С. Суворин считал это путешествие «целеной затеей», писал Чехову, что Сахалин никому не нужен и ни для чего не интересен (9 марта 1890 г.).

Чехов уезжал в апреле 1890 года, проштудировав за зиму все труды по истории, этнографии и тюрьмоведению, какие мог найти в библиотеках. «...На Руси страшная бедность по части фактов и страшное богатство всякого рода рассуждений — в чем я теперь сильно убеждаюсь, усердно прочитывая свою сахалинскую литературу», — писал он Суворину 23 февраля 1890 года, и трудно было не уловить в этом замечании полемический намек на нововременских публицистов, давно уже сердивших Чехова своими нападками на серьезную науку, медицину, дарвинизм.

«В своей сахалинской работе я явлю себя таким ученым сукиным сыном, что Вы только руками разведете. Я уж много украд из чужих книг мыслей и знаний, которые выдам за свои» (А. С. Суворину, около 20 февраля 1890 г.). В эту пору шутки Чехова уже не веселили близких: знали о недавних легочных кровоотечениях, с тревогой думали о долгом путешествии через всю страну по сибирскому бездорожью. Путешествие было трудным, и Чехову часто бывало не до веселья: «Всю дорогу я голодал, как собака... Даже о гречневой каше мечтал. По целым часам мечтал» (А. С. Суворину, 20 мая 1890 г.). Впоследствии А. Измайлов, первый серьезный биограф Чехова, напишет: «Может быть, нельзя сказать... что именно за эту поездку он расплатился раннею смертью, но она, без сомнения, далась ему тяжело и явилась подробностью биографии безусловно неблагоприятною и едва ли нужною»¹. Путешествие могло оказаться

¹ А. Измайлов. Чехов. Биографический набросок. М., 1916, с. 311.